

С. П. Мельгунов

**Отечественная война и русское общество
1812 - 1912 гг.**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. П. Мельгунов**
Отечественная война и русское общество 1812 - 1912 гг.: Том 3 / С. П. Мельгунов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 290 с.

ISBN 978-5-458-24411-4

Отечественная война - один из самых драматических и самых значительных по последствиям моментов русской истории. В ней все захватывает и все заставляет работать научную мысль. В ней и в событиях, которые в ней развернулись, найдут неисчерпаемый клад и художник, и социолог, и политик, и дипломат. Ибо она заставляла разыгрываться стасям, высоким и низменным, она производила перемены в общественном строении общества, она положила начало определенному течению и во внутренней, и во внешней политике России.

ISBN 978-5-458-24411-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

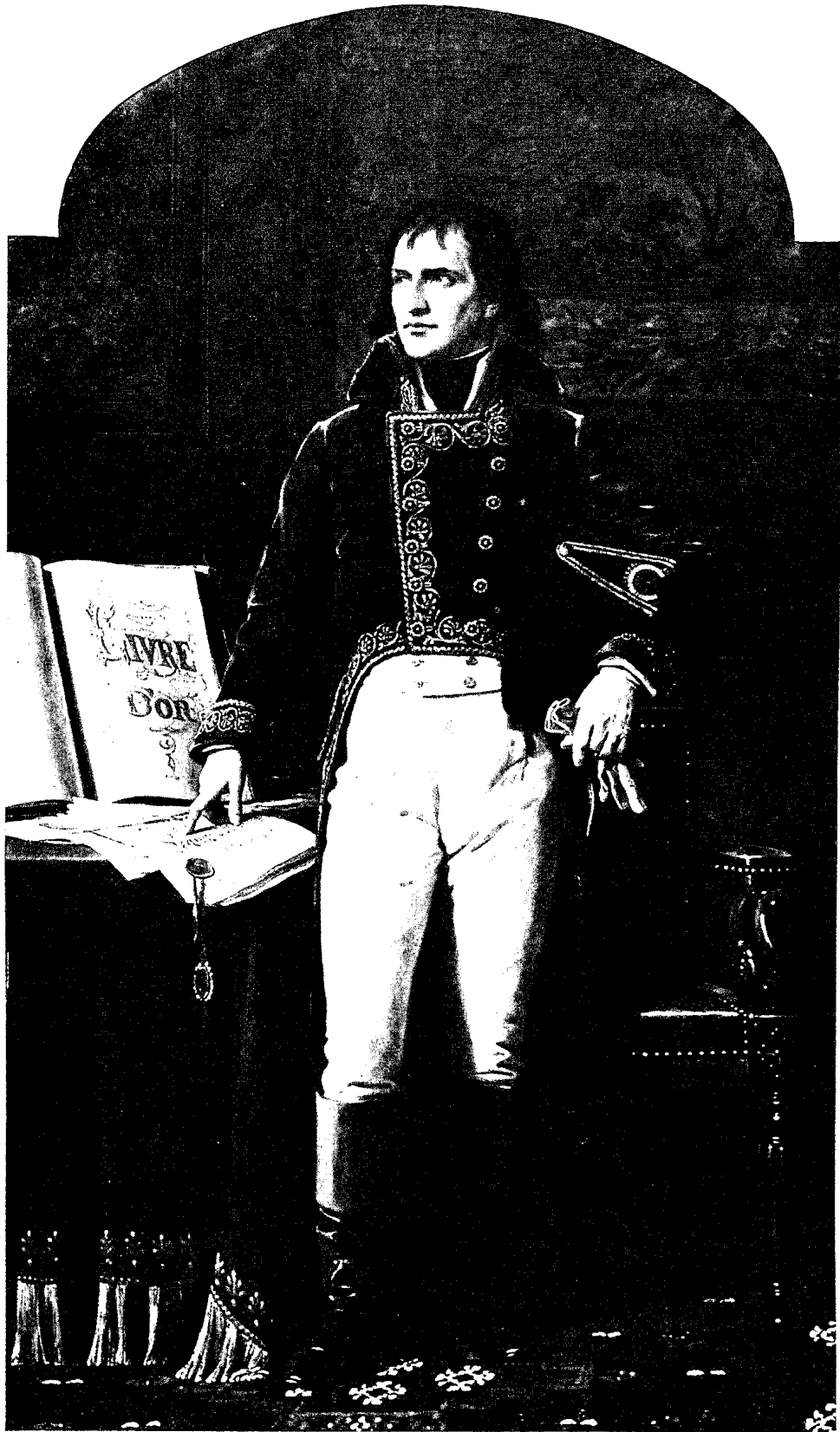
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

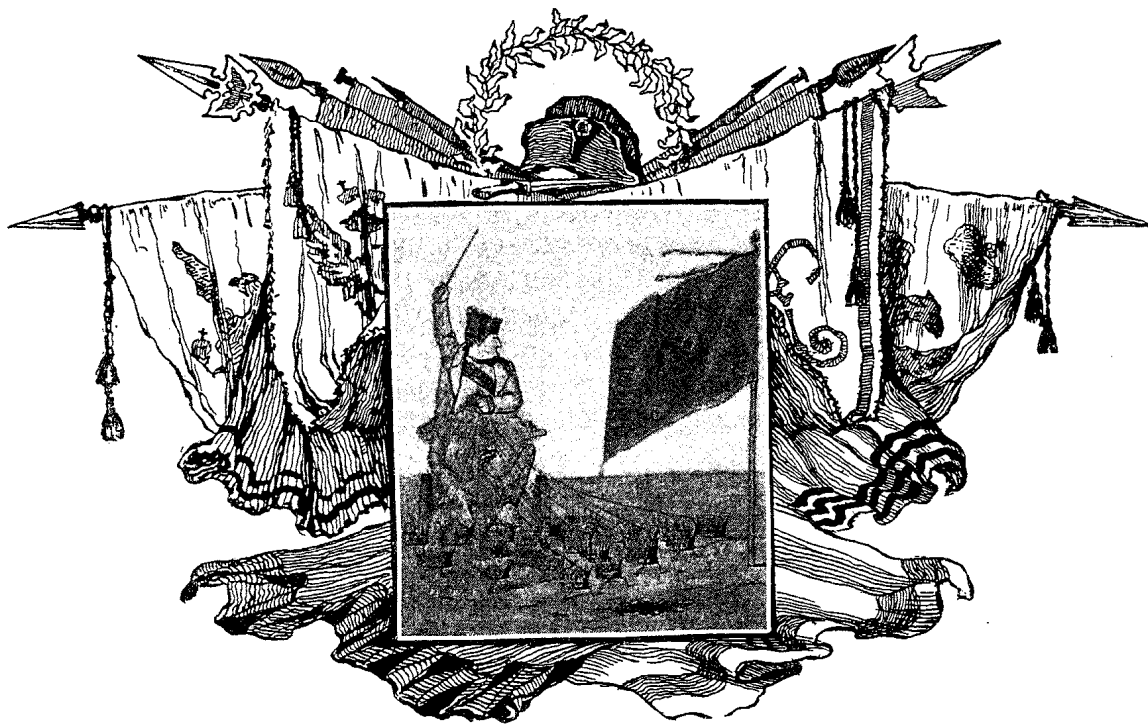
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Наполеонъ-консулъ.
(Исконъ).

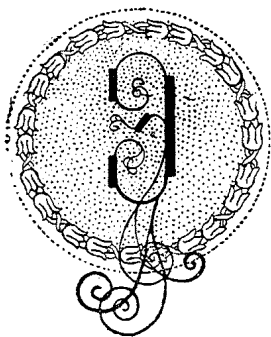

(Карикатура Неваховича. 1855 г.).

НАПОЛЕОНЪ И ЕГО СПОДВИЖНИКИ.

І. Наполеонъ.

А. К. Дживелегова.

то было при Лоди, 10 мая 1796 года. Генералу Бонапарту необходимо было перейти Адду въ тотъ же день, чтобы отрѣзать большой непріятельскій отрядъ. Мостъ черезъ рѣку защищали австрійцы, подъ начальствомъ ген. Себотендорфа. Переходъ былъ почти невозможенъ. Себотендорфъ выставилъ противъ моста батарею въ три десятка орудій, которая грозила засыпать картечью всякую атакующую колонну. Сейчасъ же за артиллеріей стояла пѣхота. Бонапартъ, тѣмъ не менѣе, рѣшилъ завладѣть переправою. Онъ приказалъ начальнику кавалеріи ген. Бомону перебраться на другой берегъ двумя верстами выше съ батареей легкой артиллеріи и напасть на правый флангъ непріятеля. Самъ онъ собралъ всѣ пушки, которыя у него были, и велѣлъ открыть огонь по непріятельской артиллеріи. Въ то же время за городскимъ валомъ, который окаймлялъ рѣку, онъ построилъ гренадеръ Ожеро въ атакующую колонну. Такъ какъ австрійская пѣхота, укрываясь отъ огня французской артиллеріи, отошла довольно далеко отъ батареи, обстрѣливавшей мостъ, то гре-

надеры оказались ближе къ непріятельскимъ пушкамъ, чѣмъ ихъ собственная пѣхота. Канонада гремѣла безъ перерыва. Выждавъ, пока австрійскія пушки, осыпаемыя французскими ядрами, ослабили огонь, а Бомонъ нападеніемъ справа отвлекъ вниманіе Себотендорфа, Бонапартъ приказалъ бить атаку. Голова гренадерской колонны простымъ поворотомъ нальво очутилась на мосту, пронеслась черезъ него почти безъ потерь, мигомъ овладѣла пушками непріятеля, обрушилась на пѣхоту, опрокинула ее и обратила въ бѣгство. Себотендорфъ потерялъ, кромѣ артиллеріи, около 2.500 чел. плѣнными и нѣсколько тысячъ убитыми. Потери французовъ составляли едва 200 чел. Ломбардія была открыта для Бонапарта. Сокрушительный ударъ былъ задуманъ и нанесенъ съ такой геніальной простотой, всѣ окружающіе такъ горячо поздравляли Бонапарта съ этой побѣдой, что двадцатисемилѣтній генералъ задумался самымъ серьезнымъ образомъ. Въ «*Mémorial de St. Hélène*» (I, 193) мы читаемъ слѣдующую фразу: «Вандемьеръ и даже Монтенотте¹⁾ еще не давали мнѣ мысль считать себя человѣкомъ высшаго порядка (*un homme supérieur*). Только послѣ Лоди у меня явилась идея, что и я, въ концѣ-концовъ, могу быть дѣйствующимъ лицомъ на нашей политической сценѣ. Тогда-то зародилась первая искра высокаго честолюбія». То же, въ нѣсколько иныхъ словахъ, повторяется въ «*Récits de la captivité*» (II, 424): «Только въ вечеръ сраженія при Лоди я сталъ считать себя человѣкомъ высшаго порядка и во мнѣ загорѣлась честолюбивая мысль—свершить дѣла, о которыхъ до тѣхъ поръ я думалъ только въ минуты фантастическихъ мечтаній».

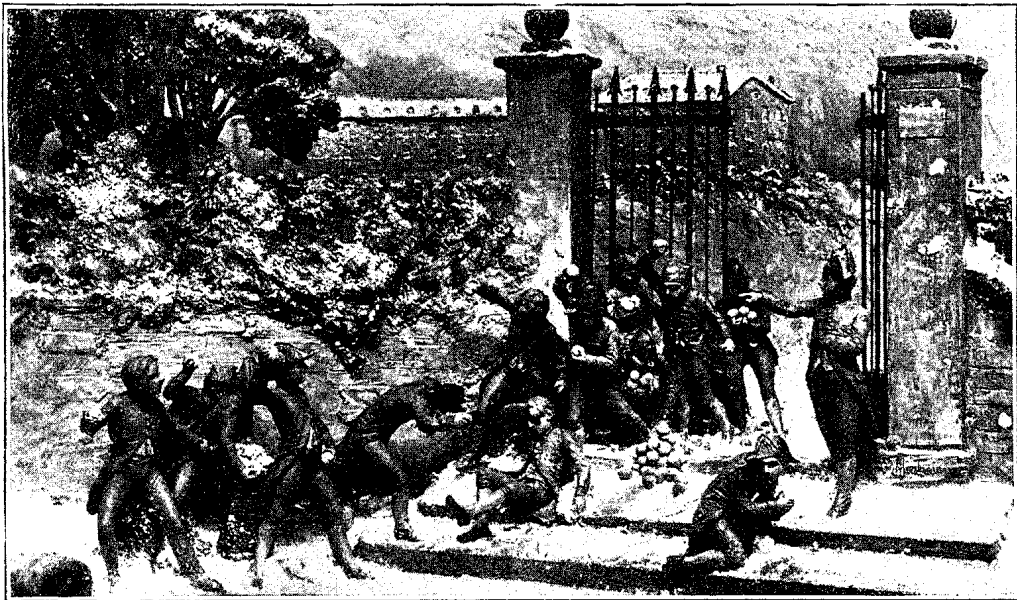
Для человѣка, одареннаго большой волей и дѣйствительно неистребимымъ честолюбіемъ, прійти къ такому заключенію значило очень много. Время было такое, что ни одна возможность не представлялась несбыточной. Революція разрушила всѣ преграды къ быстрому движенію впередъ. Дарованіямъ всякаго рода открылась широкая дорога. Особенно легко выдвигала армія, ибо армія была главнымъ жизненнымъ нервомъ и республики и революціи. И кто не предсказывалъ въ 1790—96 годахъ, что революція кончится «саблей», т.-е. военной диктатурой? Бонапарту, который понималъ очень хорошо родной ему духъ революціи и великолюбно зналъ о предсказаніяхъ насчетъ диктатуры, нужно было только увѣрять въ себя и въ свои силы, чтобы начать линію своей личной политики, эгоистической, направленной къ определенной цѣли, превращающей и войну, и побѣду, и республику, и революцію въ простыя средства для достиженія этой цѣли.

Лоди дало ему эту вѣру, и въ день Лоди въ молодомъ генералѣ зачатъ былъ будущій императоръ французовъ²⁾. Многое, конечно, было

1) О 13 вандемьера см. т. I, въ статьѣ „Революція и Бонапартъ“. Монтенотте—мѣстечко въ Пьемонтѣ, гдѣ Бонапартъ одержалъ первую рѣшительную побѣду надъ соединенной австро-сардинской арміей Болие. Союзная армія, какъ гигантской бритвой, была разрѣзана на двѣ части: австрійцы отброшены въ Ломбардію, сардинцы—къ Турину. Потомъ онъ билъ ихъ отдѣльно.

2) Немного больше году прошло между Лоди и Леобеномъ, а Наполеонъ уже обнаруживаетъ очень большую предусмотрительность. Французскіе республиканцы громко аплодировали ему, когда онъ отвѣтилъ австрійскимъ уполномоченнымъ на ихъ предложеніе признать республику: „Республика, какъ солнце! Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто ея не видитъ“. Именно, республиканцамъ нужно было радоваться этой фразѣ меньше, чѣмъ кому-нибудь, ибо она была сплошь лицебріе. Потомъ Наполеонъ объяснилъ, почему онъ не хотѣлъ формальнаго признанія. Онъ боялся, какъ бы не вышло затрудненій со стороны Австріи въ тотъ моментъ, когда республика должна была перестать существовать.

необходимо для того, чтобы генералъ сдѣлался императоромъ. И прежде всего нужно было, чтобы арена для его дерзаній оказалась свободной отъ соперниковъ. Въ этомъ отношеніи Бонапартъ былъ необыкновенно счастливъ. Изъ крупныхъ военныхъ вождей революціи къ рѣшительному для него моменту остался, можно сказать, одинъ—Массена. Дюмурье ликвидировалъ себя раньше всѣхъ, Пишегрю пошелъ такой дорогой, которой можно было прійти на гильотину, а не на престолъ. Гошъ—самый крупный, не уступавшій ни умомъ, ни характеромъ, ни военными дарованіями Бонапарту, умеръ въ 1797 г. Журданъ скомпрометировалъ себя слишкомъ тѣсными связями съ якобинцами. Моро, такой хладнокровно-расчетливый передъ лицомъ врага, совсѣмъ потерялъ голову послѣ брюмерскаго переворота и не сумѣлъ изъ блеска Гогенлинденской побѣды соткать себѣ ореолъ національнаго героя. Тѣ, съ которыми Бонапарту,

Бонапартъ въ Бриенской школѣ (1782).

несомнѣнно, пришлось бы считаться: Марсо, Жуберъ, Клеберъ, Дезе, были убиты или до брюмера, какъ двое первыхъ, или очень скоро послѣ него, какъ оба героя египетской экспедиціи: точно честолюбивая мечта Бонапарта направляла и австрійскія пули и кинжалъ каирскаго фанатика¹⁾. Массена, оставшійся въ живыхъ, при колоссальномъ военномъ дарованіи, былъ совершенно лишенъ той культуры ума и характера, которая могла бы сдѣлать изъ него опаснаго соперника для Бонапарта. Другіе—Ланнъ, Даву, Ожеро, Бернадотъ, Бертъе, Ней, Мюратъ, не говоря уже объ остальныхъ, никогда и не могли претендовать на самостоятельную политическую роль. Изъ перечисленныхъ генераловъ многіе могли равняться съ Бонапартомъ военнымъ гениемъ: Клеберъ, Моро,

¹⁾ Соучастіе Бонапарта въ убійствѣ Клебера, конечно, басня, измышленная его врагами.

Массена, особенно Гошъ. Многіе превосходили его красотою характера, республиканскою искренностью, прямою. Но ни у кого изъ нихъ не соединялось такъ много талантовъ, необходимыхъ для правителя, никто изъ нихъ, исключая опять-таки, быть-можетъ, только Гоша, на мѣсть Бонапарта, не сумѣлъ бы сдѣлать большаго. Гошъ былъ честнѣе; въ немъ совсѣмъ не было эгоизма. Но зато онъ былъ лишенъ спартанскаго безстрастія Бонапарта и его стоической выдержки: онъ былъ эпикуреецъ, поэтъ и рабъ наслажденій. Въ цѣломъ Наполеонъ былъ крупнѣе. На великой стѣнѣ исторіи, гдѣ запечатлѣваются тѣни титановъ въ человѣчествѣ, та, которую отбрасываетъ маленькая фигурка его, во всякомъ случаѣ одна изъ самыхъ грандіозныхъ.

Нужно ли, какъ это дѣлаетъ Тэнъ, производить антропологическія изысканія, чтобы объяснить появленіе Наполеона? Нужно ли вызывать тѣни Сфорцы, Пиччинино, Карманьолы, Гаттамелаты и другихъ итальянскихъ кондотьеры, чтобы понять титаническую мощь Наполеона? Нужно ли выдвигать предположеніе, что одряхлѣвшая въ Италіи порода людей, на Корсикѣ, какъ въ питомникѣ, окрѣпла вновь и дала свой новѣйшій гигантскій отпрыскъ въ лицѣ Наполеона? Параллель съ кондотьеры, конечно, интересна и законна, но въ ней нѣтъ элементовъ научнаго анализа. Она хороша, какъ интуитивное подспорье къ научному анализу,— не больше. Да едва ли и есть необходимость выдвигать эту своеобразную теорію аватара. Революція сама по себѣ объясняетъ два главныхъ момента, создавшихъ Наполеона: и то, что онъ получилъ возможность вернуть свои сверхъестественныя дарованія, и то, что сдѣлалъ такую волшебную карьеру. Ибо и то и другое имѣло параллели. Многіе изъ перечисленныхъ выше генераловъ умерли бы въ нижнихъ чинахъ, если бы не революція. Благодаря революціи, они вытянулись во весь ростъ. Да не только генералы. Развѣ аббатъ Сійесъ могъ при старомъ порядкѣ мечтать сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ теперь? Развѣ превращеніе епископа Отенскаго въ герцога Дино и князя Беневентскаго не было тоже чудомъ, возможнымъ лишь благодаря революціи? А если говорить о карьерѣ, то вѣдь революція вознесла не только Наполеона. Сультъ едва не сдѣлался королемъ португальскимъ, Бернадотъ основалъ династію въ Швеціи, Евгений Богарне сталъ родоначальникомъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ. Психологически и политически Наполеонъ созданъ революціей, и нѣтъ нужды тревожить память кондотьеры для объясненія его.

Бываютъ геніальные люди, лишенные характера, воли, работоспособности. Бонапарту все это было дано щедрою рукою. Поэтому мысли, зарождавшіяся въ его головѣ, сейчасъ же начинали претворяться въ дѣйствительность, и не было того препятствія, котораго онъ не могъ бы одолѣть. Именно эта печать дѣйствительнаго генія, несокрушимой воли, направленной огромнымъ умомъ, которую окружающіе видѣли на его челѣ, создавала ему его власть надъ людьми. Въ немъ не было того произвольнаго, не зависящаго отъ человѣка обаянія, которое какъ-то само собою покоряетъ всѣхъ, безъ того, чтобы приходилось дѣлать усилія. Но когда онъ хотѣлъ, онъ становился неотразимъ, и не было человѣка, который устоялъ бы противъ него. Когда его назначили главнокомандующимъ итальянской арміей въ 1796 году, генералы, которые были

старше его, рѣшили между собою проучить «выскачку» при первой же встрѣчѣ. Ожеро, головорѣзъ и забіяка, не знавшій, что значить оробѣть при какихъ бы то ни было условіяхъ; Массена, человѣкъ огромнаго самообладанія и безумной смѣлости; Серрюрье, Лагарпъ, герои, видѣвшіе не разъ смерть лицомъ къ лицу, составили своего рода заговоръ противъ «молокососа». Когда они выходили послѣ первой аудіенціи, они были сконфужены. Ожеро, удивленный тѣмъ, что произошло, говорилъ Массенъ, разводя своими длинными руками: «Не могу понять, что со мною сдѣлалось: только я никогда ни передъ кѣмъ не приходилъ въ такое смущеніе, какъ передъ этимъ маленькимъ генераломъ». Массена молчалъ, ибо ощущалъ то же. Зато позднѣе и Ожеро, и Массена, и всѣ, кто былъ подъ его командою, по одному его слову дѣлали чудеса. Подъ Арколе, когда въ первый день боя Бонапарту необходимо было форсировать переправу, чтобы напасть съ тылу на Альвинци, когда онъ самъ, схвативъ знамя, бросился на мостъ, осыпaeмый австрійскими пулями,—кто только не поспѣшилъ выручать его. Несчастный Мюиронъ, который тутъ же былъ пронизанъ пулями, прикрывая его; Ланнъ, раненый передъ тѣмъ, трижды раненъ снова въ то время, какъ бросился къ нему на помощь. Генералъ Робертъ убитъ, Виньольтъ, Беліаръ ранены. И это неотразимое обаяніе дѣйствовало на подчиненныхъ еще долго потомъ. Стоило Наполеону въ разгаръ боя кинуть фразу Мюрату, и тотъ, бросивъ на руки адъютанту свою шляпу съ чудовищными страусовыми перьями, весь сверкая золотомъ, съ однимъ хлыстомъ въ рукѣ, летѣлъ на врага во главѣ своихъ кирасиръ, опрокидывалъ кавалерію, врѣзывался въ карре, сметалъ все на своемъ пути, словно застрахованный отъ пуль и картечи. И Мюратъ вовсе не былъ исключеніемъ. Не только храбрецы, какъ Ланнъ или Ней, не только спокойно-мужественный Даву, но и Мармонъ, не любившій рисковать собою, и Бернадотъ, который передъ каждой атакой соображалъ, что она можетъ ему принести,—дѣлали то же. Мутонъ чуть не въ пять минутъ бралъ приступомъ городъ, Марбо въ темную, бурную ночь переправлялся черезъ Дунай, чтобы привезти «языка», «ворчуны» старой гвардіи умирали, но не сдавались. И всѣ безъ исключенія бывали на верху блаженства, получивъ въ награду ласковый щипокъ за ухо. Наполеонъ былъ такъ увѣренъ, что для него его маршалы и генералы сдѣлаютъ невозможное, что полагался на самое смѣлое ихъ заявленіе. Подъ Аустерлицемъ онъ спрашиваетъ Сульта, сколько времени ему нужно, чтобы занять Прагенскую возвышенность, т.-е. пунктъ, отъ обладанія которымъ зависитъ успѣхъ

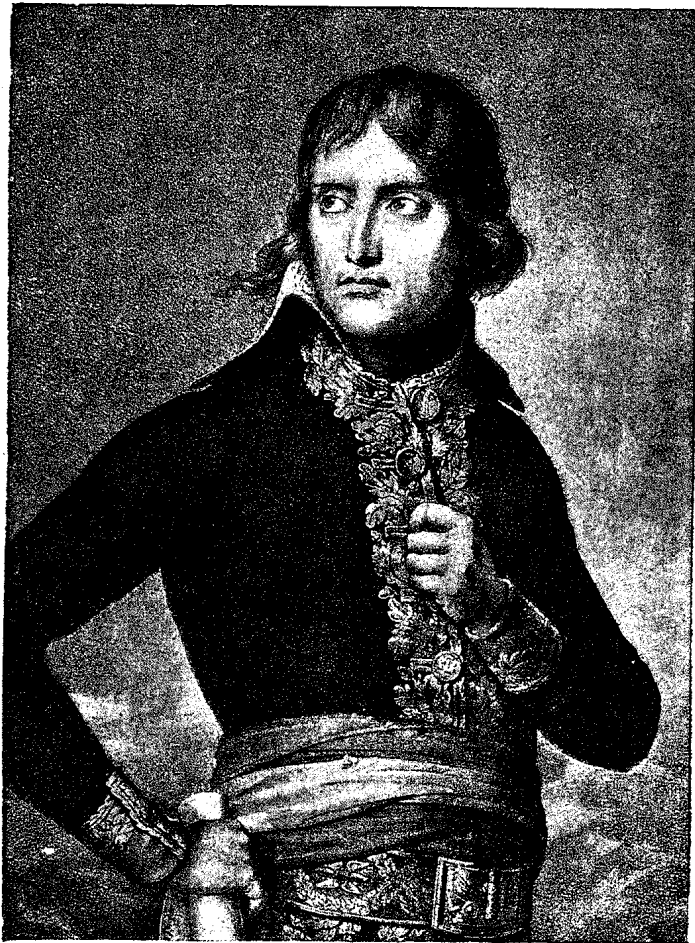
Карло Бонапарте, отецъ Наполеона.

его плана. «Двадцать минут самое большее», отвѣчаетъ тотъ. «Тогда подождемъ еще четверть часа», спокойно говоритъ императоръ, хотя онъ знаетъ, что Даву изнемогаетъ на правомъ флангѣ. И Сультъ сдержалъ свое обѣщаніе. Когда ему нужно было покорить человѣка, онъ пускалъ въ ходъ все свои чары, и никто, за рѣдкими исключеніями, не умѣлъ устоять противъ нихъ, даже холодно-расчетливый Меттернихъ, даже «византіецъ» — Александръ. Сила обаянія стала падать, когда самъ Наполеонъ отяжелѣлъ и началъ надѣяться, что богатства и почести могутъ дѣлать то, что дѣлали прежде любовь и преданность. Между тѣмъ новая метода, наполняя сознаніемъ личнаго благополучія, вселяла опасеніе, что это благополучіе не будетъ использовано до конца, порождала эгоистическія чувства, вытравляла порывъ, отнимала энергію и очень часто, особенно въ періодъ упадка, когда переставалъ дѣйствовать еще одинъ стимулъ — страхъ, отдаляла отъ Наполеона самыхъ близкихъ людей, безумно любившихъ его раньше. Стоитъ вспомнить безобразную сцену въ Фонтенебло въ дни отреченія, когда маршалы, утратившіе страхъ и не рассчитывающіе больше ни на новыя богатства ни на новыя почести, толкали императора на путь безславія.

Обаяніе Наполеона тѣмъ и было непохоже на обаяніе другихъ людей, что въ немъ причудливо и капризно преломлялись лучи генія. Ихъ было много, этихъ лучей, и трудно сказать, какой изъ нихъ былъ ярче, какое дарованіе господствовало. Мы не можемъ долго останавливаться на Наполеонѣ, какъ полководцѣ: этотъ вопросъ составляетъ содержаніе особой статьи. Только для того, чтобы полнѣе освѣтить весь его обликъ, приходится въ нѣсколькихъ словахъ коснуться и его военного генія. Здѣсь, какъ и во всемъ, поражало соединеніе двухъ трудно-соединяющихся вещей: творческой, если только можно воспользоваться этимъ словомъ, силы и самой кропотливой черной работы. Чтобы сдѣлать итальянскую армію способной быть орудіемъ своей молніеносной тактики, онъ прежде всего одѣлъ, обулъ, накормилъ ее и снабдилъ всемъ необходимымъ. Чтобы добиться этого, онъ во все входилъ самъ: пробовалъ хлѣбъ, мясо; смотрѣлъ кожу для сапогъ, сукно для шинелей, сѣдла; вымѣривъ размѣръ груди и длину въ рубашкахъ; безошибочно опредѣлялъ, сколько сна воруетъ подрядчикъ; всѣхъ приструнивалъ, всѣхъ подтягивалъ. И когда все было готово, грянули одинъ за другимъ: Монтенотте, Миллезимо, Мондови, Лоди, Кастильоне, Арколе, Риволи, Тальяменто... Одно обуславливалось другимъ. Въ этомъ была его система. Для него не существовало скучныхъ вещей въ военномъ дѣлѣ. «Ваши донесенія о штабахъ читаются, какъ прекрасная поэма», пишетъ онъ генералу Лакюэ. И нѣтъ ни одного уголка въ сложномъ военномъ механизмѣ, который представлялъ бы для него какіе-нибудь секреты. «На войнѣ нѣтъ ничего, — говоритъ онъ, — чего я не могъ бы сдѣлать самъ. Если нѣтъ никого, кто могъ бы приготовить порохъ, я приготовлю его; лафеты для пушекъ, я ихъ смастерю; если нужно отлить пушки, я велю ихъ отлить»... ¹⁾ Онъ былъ и собственнымъ начальникомъ штаба и собственнымъ главнымъ интендантомъ. А въ стратегическомъ маневрированіи и тактическомъ ударѣ

¹⁾ A. Levy, „Napoléon intime“, éd. Nelson, стр. 481 слѣд.

онъ творилъ, какъ художникъ. Мы видѣли, какъ была выиграна битва при Лоди. Кастильоне, гдѣ рѣшилась судьба первой кампаніи Вурмзера, явилось результатомъ гениальнаго маневрированія, которое дало Бонапарту возможность уничтожить втрое сильнѣйшаго врага. То же было и при второй кампаніи Альвинци, завершившейся Риволи. Французской кампаніи 1814 года, гдѣ Наполеонъ былъ въ десять разъ слабѣе союзниковъ, наступавшихъ на него (60 тыс. противъ 600 тыс.), и гдѣ онъ все-таки одерживалъ надъ ними такія блистательныя побѣды, какъ при Монтеро и Шампоберъ, гдѣ каждое его поражение было все-таки шедевромъ,—этой кампаніи одной было бы достаточно, чтобы покрыть неуываеомой славой любого полководца. А наполеоновская тактика? Арколе, которое дѣйстви-тельно было чѣмъ-то въ родѣ пѣсни Иліады, Риволи, Тальяменто, Пирамиды, Оаворъ, Абукиръ, потомъ Маренго, Ульмъ, Аустерлицъ, Йена, Фридландъ, Ваграмъ. Міръ весь затихалъ въ страхъ, когда онъ, какъ буря, проносился по Европѣ во главѣ своихъ желѣзныхъ легионовъ, сърымъ пятномъ выдѣляясь на фонѣ золотыхъ и красныхъ мундировъ своего штаба, не зная, что такое неудача. Словно богиня побѣды была прикована къ колесу пушечнаго лафета и не могла отлетѣть отъ великой арміи, словно сама Фортуна была марки-танткою у гренадеръ Удино. Такимъ древніе скандинавы представляли себѣ Одина во главѣ «неистоваго воинства», когда онъ, верхомъ на своемъ восьминогомъ бѣломъ конѣ, леталъ по воздуху, сокрушая все на своемъ пути.

Бонапартъ (Давида).

Изъ всѣхъ наполеоновскихъ сраженій едва ли не наиболѣе типичнымъ былъ Аустерлицъ, ибо въ немъ сказывается лучше всего настоящая наполеоновская манера. 30 ноября 1805 года, когда онъ уже отступилъ отъ Праценскихъ высотъ и разгадалъ обходное движеніе непріятеля противъ его праваго фланга, онъ выпхалъ обозрѣть мѣстность и сказалъ окружающимъ, глядя на Праценскую возвышенность: «Если бы я хотѣлъ

помпшаты непріятелю обойти мой правый флангъ, я занялъ бы позицію на этихъ превосходныхъ высотахъ. Тогда у меня получилось бы самое обыкновенное сраженіе. Правда, у меня было бы преимущество въ позиціи. Но, не говоря уже о томъ, что я рисковалъ бы начать дѣло уже 1 декабря (т.-е. пока не подошли ожидаемыя въ ночь на 2-е подкрѣпленія), непріятель, видя нашу позицію передъ собою, сдѣлалъ бы только мелкія ошибки. А когда имѣешь дѣло съ генералами, мало опытными въ большой войнѣ, нужно стараться пользоваться ошибками капитальными». И вмѣсто того, чтобы оставаться на отличныхъ позиціяхъ Праценской возвышенности и вызвать союзниковъ на фронтальную атаку, которая, несомнѣнно, кончилась бы для атакующихъ неудачей, онъ очистилъ Праценъ, внушилъ этимъ непріятелю мысль о своей слабости и толкнулъ его на обходъ своего праваго фланга. Это была ловушка, которая подвергала риску его самого, но она дала въ результатъ не «обыкновенное сраженіе», а блистательную побѣду. Полк. Гюркъ фонъ-Вартенбургъ («Napoleon als Feldherr», I, 230) говоритъ, что если бы такая диспозиція была принята на маневрахъ, она вызвала бы противъ себя рѣзкую критику, что противъ нея говорятъ вообще всѣ основанія раціональнаго военнаго искусства. Наполеонъ рѣшился ослабить свой правый флангъ и, ослабленный, подвести его подъ ударъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ только въ сознаніи того, что непріятель надѣлаетъ достаточно «капитальныхъ ошибокъ». Такъ и было. Наоборотъ, при Ваграмѣ, когда Аспернъ и Эслингъ научили его уважать эрцг. Карла, онъ умышленно сдѣлалъ «самое обыкновенное сраженіе», гдѣ онъ не рисковалъ почти совсѣмъ, гдѣ все было результатомъ точнаго подсчета. Этихъ вещей онъ старался избѣгать. Какъ поэтъ войны, онъ любилъ дать волю своей фантазіи и нимало не смущался тѣмъ, что полетъ его фантазіи покрывалъ трупами безбрежныя поля.

Такова была особенность его генія вообще. Онъ подготовлялъ все путемъ систематичной, кропотливой черной работы, а потомъ гдѣ-то въ таинственныхъ глубинахъ вспыхивала мысль, и при свѣтѣ ея все сдѣланное раньше получало душу и художественно-законченный обликъ.

Работоспособность у него была совершенно нечеловѣческая. Онъ одинъ дѣлалъ то, что было едва ли подъ силу сотнѣ людей, и на войнѣ и въ мирное время. Онъ могъ довольствоваться двумя-тремя часами сна въ сутки и могъ не спать совсѣмъ трое сутокъ, какъ при Арколе. «Нужно было,—говорилъ адъютантъ Наполеона, Генералъ Раппъ,—быть изъ желѣза, чтобы выдерживать все это. Мы выходили изъ кареты только для того, чтобы сѣсть верхомъ, и оставались на лошади иной разъ десять-двѣнадцать часовъ подъ рядъ». Это относится къ походу 1800 г. Въ 1806 г. самъ Наполеонъ писалъ Жозефинѣ: «Мнѣ приходится дѣлать двадцать-двадцать пять лье (т.-е. до 100 верстъ) въ день верхомъ, въ каретѣ и вообще повсякому». Для того, чтобы заниматься внутренними дѣлами государства,—онъ никогда не забывалъ о нихъ во время походовъ—ему оставались ночные часы и часы, проводимые въ каретѣ. И все-таки успѣвалъ послать инструкціи въ Парижъ обо всемъ, кончая театральными мелочами. То же происходило и въ мирное время. Достаточно просмотрѣть два-три его письма министрамъ изъ эпохи консульства, чтобы убѣдиться, какъ мало от-